

The authors of the article investigate into the images of Caucasian highlanders on the material of M. Lermontov's early poems. They show that the poet's romantic perception of the world prevails in the descriptions of nature, customs, traditions, psychology, everyday life and physique of the highlanders.

Keywords: poems of the early period, Caucasian highlander, romantic motifs, artistic ethnographism.

References:

1. *Adygi, balkartsy i karachaevtsy v izvestiyakh yevropeiskikh avtorov XIII–XIX vv.* (The Adyghe, Balkars and Karachai in the notes by European authors of the 13th–19th centuries) / Ed.: Gardanov, V. Nalchik: Elbrus, 1974.
2. Aleinikov, M. *Karachaevskie skazaniya* (The Karachai folk stories) // *Sbornik materialov dlia opisaniya mestnostey i plemion Kavkaza*. Vyp. 3. Tiflis: Tip. Glavnogo upravleniya Namestnika Kavkazskogo, 1883. S. 138–168.
3. Glukhov, A. *Epicheskaya poeziya M. Yu. Lermontova* (M. Lermontov's epic poetry). Saratov: Izd-vo Saratovskogo un-ta, 1982.
4. Ivanov, S. M. *Yu. Lermontov. Zhizn i tvorchestvo* (M. Lermontov. Life and creative works). M.: Prosveshchenie, 1964.
5. Lermontov, M. *Sochineniya: v 6-ti t.* (Works in 6 vol.). M.; L.: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1954–1957.
6. Pershits, A. *Gostepriimstvo* (Hospitality) // *Svod etnograficheskikh poniaty i terminov*. M.: Nauka, 1986. S. 39–41.

A. A. Остахов¹

ПРОИЗВЕДЕНИЯ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА КАК ЦЕННЫЙ ЭЛЕМЕНТ ДЛЯ ИСТОРИЧЕСКИХ РЕКОНСТРУКЦИЙ (НА ПРИМЕРЕ ВОЕННОГО ИСКУССТВА ЧЕРКЕСОВ)

В статье на конкретных примерах развивается тезис о том, что творчество М. Ю. Лермонтова является источником ценной информации, позволяющей проводить исторические реконструкции и давать ответы на сложные вопросы, до сих пор не решенные кавказоведами.

Ключевые слова: кольчуга, шашка, боевой лук, ружейный чехол.

¹ ОСТАХОВ Анзор Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры социологии, общей и юридической психологии Северо-Кавказского федерального университета, филиал в г. Пятигорске. Электронная почта: zoroastra_anzor@rambler.ru.

Обычно произведения художественной литературы представляют ограниченную ценность для научно-исторических исследований: во-первых, они отлично передают дух определенной исторической эпохи, ее идеалы и мораль, типичные образы ее героев и модель их поведения; во-вторых, они служат источником красивых цитат, облегчающих понимание и осознание смысла сложных исторических явлений. Но когда мы касаемся литературных творений Михаила Юрьевича Лермонтова, то мы видим совсем другую картину. Степень полезности его произведений для исторических исследований в области кавказоведения не укладывается в вышеописанные рамки, а значительно выходит за их пределы. Это выражается в том, что кавказский цикл литературных творений М. Ю. Лермонтова, помимо всего выше указанного, является источником ценной информации, позволяющей проводить исторические реконструкции и давать ответы на сложные вопросы, до сих пор не решенные кавказоведами.

В качестве доказательства рассмотрим несколько вопросов из области военного искусства черкесов, ответы на которые помогли найти произведения М. Ю. Лермонтова.

1) Почему черкесские воины продолжали носить кольчуги во времена Кавказской войны (1817–1864), когда господствовало огнестрельное оружие? Для начала стоит отметить, что черкесские кольчуги, именуемые во многих источниках «панцирями», славились своей удивительной легкостью (от 3,5 до 5 кг) и прочностью не только на территории Северного Кавказа, но и за его пределами [1]. Вот что по этому поводу писал В. А. Потто: «Подобный трехкольчужный панцирь, представляющий собой мелкую сетку, легко укладывается весь на ладони и весит не больше пяти-шести фунтов, но надетый на голову и плечи, он образует как бы литую массу...» [2]. Они высоко ценились в Персии, куда их вывозили кабардинские князья в качестве подарков персидскому шаху. В 1595 г. шах Аббас, показывая русскому послу Андрею Звенигородскому разное оружие, обмолвился: «А пансыри добрые выходят к нам из Черкас» [3].

Общеизвестно, что распространение огнестрельного оружия в Европе быстро вытеснило латные и кольчужные доспехи из военного оборота, но на Северном Кавказе такого

процесса не происходило, хотя условия были аналогичными. Мало того, черкесы активно стали приспособливать кольчугу к условиям огнестрельной войны. Если раньше они просто носили кольчугу поверх черкески, то в период Кавказской войны этот обычай постепенно исчез, и адыги стали носить кольчуги под черкеской. Такой способ ношения позволял, во-первых, скрыть блеск кольчуги, по которому неприятель мог обнаружить всю партию; во-вторых, избежать громких звуков при соприкосновении с твердыми предметами во время подкрадывания или ночной вылазки; в-третьих, использовать газыри из нагрудных кармашков, т. к. во время Кавказской войны огневой бой был просто незаменим [4].

Поиски ответа на озвученный выше вопрос породили множество версий, которые, с одной стороны, вроде бы вносили определенную ясность, но с другой – никак не сочетались с другой фактурой и не укладывались в общую историческую картину, что, в свою очередь, порождало новые вопросы и вносило некую сумятицу в исследовательский процесс.

Согласно одной из версий, причиной использования черкесской кольчуги в эпоху Кавказской войны была ее непроницаемость для пуль гладкоствольного оружия. Данный факт был отмечен В. А. Потто, который писал, что черкесскую кольчугу «можно было пробить разве штыком или пикой, но никак не употребляющейся тогда круглой пулей» [5]. По сообщению Г. Ю. Клапрота, у адыгов существовал особый способ проверки прочности панцирей: «Чтобы их испробовать, их кладут на теленка и стреляют из пистолета. Как правило, пули не пробивают их, лишь теленок после этого слегка пошатывается» [6]. Для дополнительной защиты от вражеского огня использовался подкольчужник – плотный жилет на ватной основе, носившийся под кольчугой. По словам И. Бларамберга, его «эластичность... заставляет пули еще лучше отскакивать от корпуса» [7]. Однако, согласно источникам, данный момент не был серьезной помехой для русских солдат, которые поражали черкесских всадников плотным ружейным огнем с близких дистанций или пробивали их кольчуги штыковыми ударами. Русский трехгранный штык свободно прокалывал кольца черкесской кольчуги.

По другой версии, причиной было то, что кольчуга представляла отличную защиту в рукопашном бою от ударов пи-

кой и саблей. Действительно, казачья пика не могла пробить черкесскую кольчугу из-за своего массивного наконечника. Отсюда казаки придумали два специальных приема. Первый прием описал И. Бларамберг: «...черноморские казаки приспособились приподнимать кончиком копья край кольчуги и протыкают черкесов пикой на полном скаку» [8]. Ф. Р. Наков и Б. Е. Фролов справедливо отрицают физическую возможность выполнения данного приема [9]. На наш взгляд, черноморцы ограничивались только попытками совершить его, пытаясь таким образом опробовать навыки, полученные от старого запорожского игрища: всадник на полном скаку должен был поддеть пикой подвешенное кольцо [10]. Может быть, только в единичных случаях при удачном стечении обстоятельств такие попытки увенчивались успехом, но они были исключением, а не правилом.

Второй прием заключался в зарядании пистолета пучком иголок, вместо пули, которые при выстреле проникали сквозь тонкие отверстия кольчуги и наносили ранения. Данный прием упоминался в мемуарах А. Бестужева-Марлинского и Н. С. Мартынова. Однако возможность его реализации и степень его эффективности до сих пор остаются неизвестным и вызывают множество споров.

Степень защиты от сабельных и шашечных ударов также является спорным вопросом. Согласно В. А. Потто, обычная шашка не могла прорубить черкесскую кольчугу. Для этого «существовал особый сорт шашек, называемый гурда, закалка которых приспособлялась именно для рубки этих знаменитых панцирей, но зато же настоящая гурда – а их много было поддельных – и ценилась на вес чистого золота» [11]. Но в боевых хрониках Кавказской войны часто встречаются моменты, когда кубанские казаки в рукопашных схватках разрубали шашками кольчуги черкесов.

Другими словами, все перечисленные версии дают неоднозначные ответы, порождающие новые еще более сложные вопросы, оставляя главный вопрос открытым: почему во времена Кавказской войны черкесы продолжали носить кольчугу, если она не давала гарантированной защиты от ружейных пуль, штыковых и шашечных ударов? Разрешить данную ситуацию и дать окончательный ответ позволяет интересный факт,

подмеченный М. Ю. Лермонтовым в произведении «Герой нашего времени»: когда Казбич отказался обменять своего коня Азамату, последний в порыве ярости попытался убить его кинжалом, но «железо детского кинжала» лишь «зазвенело об кольчугу» Казбича, не нанося ему вреда [12]. Отсюда следует однозначный вывод: кольчуга представляла собой хорошую защиту от колющих ударов кинжалом. Данный момент позволяет расставить все факты на свои места и выстроить упорядоченную картину: кинжальный бой был широко распространен во времена Кавказской войны, во-первых, потому что, помимо горцев, кинжал активно использовали в рукопашных схватках казаки, а также русские солдаты, во-вторых, бои в тесных пространствах (леса, горные ущелья, аулы, станицы, крепости), которыми изобилует театр Кавказской войны, обусловили высокую потребность в кинжальном бое, который идеально подходил для таких условий, в отличие от шашки, сабли, пики или штыка. Поэтому и сохранялась потребность в средстве эффективной защиты от кинжала, т. е. в черкесской кольчуге. Именно поэтому черкесы продолжали ее носить на фронтах Кавказской войны.

2) Почему из всего оружейного арсенала кавказских горцев именно шашка пользовалась наиболее грозной славой? И каким образом шашка делала черкесского всадника грозным и опасным противником? Благодаря своей конструкции шашка органично совмещала в себе обычно несовместимые качества, перечисленные в кабардинской поговорке: «Шашка должна быть легкая, как перо, упругая, как лоза, острая, как бритва. Кто носит тяжелую шашку, тот не надеется на умение» [13]. Черкесская шашка, согласно фундаментальным исследованиям Ф. Р. Накова, являлась и является уникальным холодным оружием. С одной стороны, за счет своей конструкции и техники применения она совмещала в своем действии преимущества различных видов длинного клинкового оружия (мечей, палашей – ятаган, кукри, некоторых видов сабель – клыч, шамшир), освобождаясь от их недостатков. Шашке были присущи высокая сила, точность и проникающая глубина рубящего удара, эффективное рубяще-режущее действие, надежность положения в руке, возможность применения в пешем и конном бою [14]. С другой стороны, шашка обладала молниеносной скоростью

нанесения ударов и широким радиусом действия. Так, за время одного сабельного удара, шашкой можно было нанести 3–4 удара. Наряду с этим конструкция шашки позволяла свободно перекидывать ее из правой руки в левую и наоборот, расширяя радиус боевого поражения и позволяя вести бой как с правосторонним, так и с левосторонним противником, не меняя позиции. Именно сочетание этих двух факторов, по утверждению Ф. Р. Накова делали шашку грозным оружием, с помощью которого горец мог вести бой с несколькими врагами одновременно, превращая рукопашную схватку в кровавую мясорубку [15].

Самое интересное, точно такой же тезис озвучил М. Ю. Лермонтов в поэме «Измаил-бей», акцентировав внимание на выше указанных свойствах шашки:

*Везде, налево и направо,
Чертя по воздуху круги,
Удары шашки упадают;
Не видят блеск ее враги
И беззащитно умирают!* [16].

Искусно развивая свою идею, Михаил Юрьевич в лице князя Измаил-бея рисует образ смертоносного черкесского всадника, врубающегося в гущу врагов и устраивающего кровавую сечу:

*Взгляни туда, где бранный дым краснее,
Где гуще пыль и смерти крик сильнее,
Где кровью облит мертвый и живой,
Где в бегстве нет надежды никакой:
Он там! – смотри: летит, как с неба пламя;
Его шпшак и конь – вот наше знамя!
Он там! – как дух, разит и невредим,
И всё бежит иль падает пред ним!* [17].

Какие виды луков были у черкесов и каковы особенности их боевого применения? У М. Ю. Лермонтова данный вопрос рассматривается в стихотворении «Черкесы» при описании сражения казаков с черкесами, атаковавшими русскую крепость для освобождения брата их вождя:

*Но вот несется
На лошади черкес лихой
Сквозь ряд штыков, он сильно рвется
И держит меч над головой;
Он с казаком вступает в бой;
Их сабли остры ярко блещут;
Уж лук звенит, стрела трепещет,
Удар несется роковой.
Стрела блестит, свистит, мелькает
И миг казака убивает [18].*

3) На первый взгляд кажется, что лучная стрельба это не более чем художественный прикрас поэта, позволивший придавать сражению яркие поэтические оттенки. Но усомниться в данном положении вынуждает тот момент, что в поэме «Измаил-бей», изобилующей боями казаков с черкесами, упоминание применения лука в боях отсутствует.

Далее в поисках необходимой информации следует обратиться к художественным репродукциям Х. Роммеля, А. Орловского, В. Алана и Э. Спенсера, на которых изображены черкесские воины в полном вооружении. Достоверность данных источников не вызывает сомнения, т. к. их авторы имели возможность лично лицезреть черкесов и зарисовывать их образы с натуры. На рисунках Х. Роммеля, В. Алана и Э. Спенсера четко отображены большие луки и стрелы. Тогда как на рисунках А. Орловского изображены черкесские всадники с луками малых размеров, сильно отличающихся от вышеуказанных. Следовательно, у черкесов было два вида луков – большие и малые.

Дальнейшая историческая реконструкция, на деталях которой не будем останавливаться, позволила сделать следующие выводы. Большие луки применялись черкесами в спешном состоянии для ведения стрельбы на дальние дистанции с безопасных позиций. Данный вывод был сделан на базе ряда фактов. Во-первых, большой лук неудобен для конной стрельбы, т. к. сильно ограничивает движения всадника и затрудняет прицеливание. В Японии самураи решили эту проблему укорачиванием нижнего ребра лука, что позволило всаднику вести стрельбу, поворачиваясь в седле на 180° [19]. Черкесские большие луки подобным приспособлением не обладали. Во-

вторых, по мнению Г. Панченко, стрельба из лука на дальние дистанции в конном строю не эффективна, т. к. тряска сильно мешает прицеливанию [20]. Поэтому на картинах В. Алана и Э. Спенсера черкесы-всадники изображены стреляющими из больших луков в спешенном состоянии. Конь в этом случае использовался как средство передвижения, позволявшее быстро менять позиции. Отсюда на рисунке Х. Роммеля черкес, вооруженный большим луком, изображен сидящим на коне.

Малый лук применялся черкесами в конном бою, т. к. его габариты не стесняли движений всадника и позволяли ему поворачиваться в любую сторону для осуществления технически сложных приемов. Именно поэтому М. Ю. Лермонтов заострил внимание на лучной стрельбе в поэме «Черкесы», тем самым отмечая факт наличия малого лука у адыгских воинов и удобство его применения в условиях близкого контакта с противником. Последнее проявлялось в двух формах. Во-первых, малый лук был незаменим в ситуации, когда всаднику нужно было быстро перейти от стрелкового боя к шашечному и наоборот. Во-вторых, он лучше всего подходил для близкой дистанции, обеспечивавшей высокую меткость стрельбы. Так, например, интересный эпизод имел место при подавлении движения Шейха Мансура в Закубанье. Во время боя между русским отрядом и черкесами, который состоялся 22 сентября 1787 г. недалеко от р. Лабы, две выпущенные черкесами стрелы вонзились атаману Янову прямо в голову [21].

4) В чем заключалось главное предназначение ружейного (бурочного) чехла? Черкесы, как и другие кавказские горцы, носили свои ружья в специальных чехлах за спиной. Они изготавливались из войлока, козьих и барсучьих шкур, а иногда из кусков старых бурок, отчего их называли бурочными чехлами [22]. Данный способ ношения выполнял множество функций: защищал ружье от сырости и ржавчины, исключал брэнчание в походе, экономил силы воина, а самое главное – обеспечивал легкость вытаскивания ружья в условиях боя [23]. Последний момент детально описал Ф. Ф. Торнау: для ведения стрельбы на полном скаку всадник открывал отверстие в основании чехла, слегка потянув специальный шнур, далее ружье вываливалось из него, а всадник быстро его подхватывал и начинал стрелять [24]. Этот способ обеспечивал простоту и молниеносную

скорость вытаскивания ружья, поэтому черкесские всадники широко практиковали его для стрельбы по целям на близких дистанциях (20 шагов).

Ф. Р. Наков считает, что данная метода, как нельзя лучше приспособлявала ружье к практике кавалерийского боя у черкесов, выделявшегося высокоскоростными и гибкими (проворными) действиями [25]. Именно это являлось ее прямым предназначением. Проблема органичного совмещения клинкового и огнестрельного оружия у всадника была вечной проблемой европейской регулярной кавалерии на протяжении столетий (XVII–XIX вв.), которую она попробовала решить созданием карабина – кавалерийского ружья с укороченным стволом, огонь которого был малоэффективен [26]. Позже в шведской и прусской кавалерии использование огнестрельного оружия во время массового боя в силу его низкой эффективности всячески ограничивалось и даже запрещалось военным уставом в пользу холодного [27]. Однако черкесская кавалерия смогла решить эту проблему, органично совместив огнестрельное и холодное оружие с помощью ружейного чехла.

Но М. Ю. Лермонтов в повести «Бэла» описывает очень интересный факт: «...заревел он (Казбич – А. О.) и опрометью бросился вон, как дикий барс. В два прыжка он был уж на дворе; у ворот крепости часовой загородил ему путь ружьем; он перескочил через ружье и кинулся бежать по дороге... Вдали вилась пыль – Азамат скакал на лихом Карагезе; ...на бегу Казбич выхватил из чехла ружье и выстрелил...». Отсюда видно, что бурочный чехол, нисколько не ограничивая проворных движений черкеса, позволял ему в пешем состоянии легко вынимать ружье на бегу и стрелять.

Данный момент не только проливает дополнительный свет на проблему, но и позволяет значительно расширить масштаб заключения: главное назначение бурочного чехла – обеспечение возможности ведения рукопашного (шашечного) боя; ружье в чехле освобождало обе руки и нисколько не ограничивало свободы телодвижений как пешего, так и конного черкеса, что было крайне необходимо для ведения шашечного боя. Так, например, европейские солдаты носили ружья без ремня в положении на плечо, придерживая его одной рукой; ремень они использовали только во время походного движе-

ния вне боевой обстановки. Это было обусловлено особенностями их тактики: в дистанционном бою они полагались на ружейный огонь, а в ближнем – на штыковой бой, заменявший сабельный. Отсюда видно, что основу ближнего боя у черкесов составлял шашечный бой, ведение которого обеспечивалось ношением ружья в бурочном чехле. При этом шашка была приоритетным оружием у черкесских воинов, особенно конных.

В заключение, несмотря на то, что в массовом сознании творческое наследие Михаила Юрьевича Лермонтова неразрывно связано с величием русской литературы и мощью русского языка, оно представляет собой немалую ценность и для российской истории. Его литературные произведения являются хранилищем ценной исторической информации, позволяющей довести сложные исторические реконструкции до логического конца. Это еще раз свидетельствует о многогранности и величии творений М. Ю. Лермонтова.

Использованная литература и примечания:

1. Марзей А. С. Черкесское наездничество «ЗекIуэ». Из истории военного быта черкесов в XVIII – первой половине XIX в. Нальчик, 2004. С. 190.
2. Потто В. А. Кавказская война. М., 2006. Т. 1. С. 466.
3. Аствацатурян Э. Г. Оружие народов Кавказа. М. Нальчик, 1995. С. 53.
4. Марзей А. С. Указ. соч. С. 192; Спенсер Э. Путешествия в Черкесию. Майкоп, 1994. С. 66, 88.
5. Потто В. А. Указ. соч. Т. 1. С. 466.
6. Клапрот Г. Ю. Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807–1808 гг. // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. / Сост. и ред. переводов В. К. Гарданова. Нальчик, 1974. С. 266.
7. Бларамберг И. Кавказская рукопись. Ставрополь, 1992. С. 65.
8. Бларамберг И. Кавказская рукопись. Ставрополь, 1992. С. 65.
9. Записано со слов Накова Феликса Руслановича; Фролов Б. Е. Оружие кубанских казаков. Краснодар, 2009. С. 96.
10. Супруненко В. П. Запорожская вольница. М., 2007. С. 209.
11. Потто В. А. Указ. соч. Т. 1. С. 592.

12. Лермонтов М. Ю. Бэла. Нальчик, 1983. С. 18.
13. Аствацатурян Э. Г. Оружие народов Кавказа. М. Нальчик, 1995. С. 187.
14. Наков Ф. Р. Сравнительный анализ рубки черкесской шашки и другими видами длинноклинкового оружия. Нальчик, 2004. С. 4–6.
15. Записано со слов Накова Феликса Руслановича.
16. Лермонтов М. Ю. Измаил-бей // Лермонтов М. Ю. Поэмы. Собр. соч. в 4 томах Л., 1980. Т. 2. С. 186.
17. Лермонтов М. Ю. Измаил-бей // Лермонтов М. Ю. Поэмы. Собр. соч. в 4 томах Л., 1980. Т. 2. Там же. С. 187.
18. Лермонтов М. Ю. Черкесы // Лермонтов М. Ю. Поэмы. Собр. соч. в 4 томах. Л., 1980. Т. 2. С. 13.
19. Сеницын А. Ю. Самурай – рыцари Страны восходящего солнца. История, традиции, оружие. СПб., 2001. С. 146–147.
20. Панченко Г. К. Луки и арбалеты в бою. М., 2010. С. 35.
21. Потто В. А. Указ. соч. М., 2006. Т. 1. С. 118.
22. Аствацатурян Э. Г. Указ. соч. С. 51; Марзей А. С. Указ. соч. С. 184.
23. Лапинский Т. (Тэффик-бей). Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. Нальчик, 1995. С. 139.
24. Записано со слов Яхтанигова Хасана Хабасовича.
25. Записано со слов Накова Феликса Руслановича.
26. Энгельс Ф. Карабин // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. М., 1959. Т. 14. С. 244.
27. Денисон Дж. История конницы. М., 2001. С. 236–237, 270–271, 287–290.

M. LERMONTOV'S WORKS AS A VALUABLE ELEMENT FOR HISTORICAL RECONSTRUCTIONS (ON THE EXAMPLE OF CIRCASSIAN MILITARY ART)

OSTAKHOV, Anzor – PhD (History), Assistant Professor, Department of Sociology, General and Legal Psychology, North Caucasus Federal University, branch in Piatigorsk.

E-mail: zoroastra_anzor@rambler.ru

On a number of concrete examples, the article develops the thesis that M. Lermontov's literary work is a source of valuable information

allowing of historical reconstructions and giving answers to some unresolved sophisticated questions.

Keywords: chain armour, sabre, military bow, rifle sheath.

References:

1. Marzey, A. *Cherkesskoe naezdnichestvo "ZekIuje". Iz istorii voenogo byta cherkesov v XVIII – pervoj polovine XIX v.* (The Circassian "ZekIuje". From the history of the Circassian military life in the 18th – first half of the 19th centuries). Nalchik, 2004. S. 190.
2. Potto, V. *Kavkazskaya voyna* (The Caucasian War). M., 2006. T. 1. S. 466.
3. Astvatsaturyan, E. *Oruzhie narodov Kavkaza* (The Caucasus peoples' arms). Nalchik, 1995. S. 53.
4. Marzey, A. Ibid. S. 192; Spenser, J. *Puteshestviya v Cherkesiyu* (Travellings to Circassia). Maikop, 1994. S. 66, 88.
5. Potto, V. Op. cit. T. 1. S. 466.
6. Klaprot, G. Yu. *Puteshestvie po Kavkazu i Gruzii, predpriniatoe v 1807–1808 gg.* (A travelling along the Caucasus and Georgia undertaken in 1807–1808) // *Adygi, balkartsy i karachaevtsy v izvestiyakh yevropeiskikh avtorov XIII–XIX vv.* / Sost. i red. perevodov V. K. Gardanova. Nalchik, 1974. S. 266.
7. Blaramberg, I. *Kavkazskaya rukopis* (A Caucasian manuscript). Stavropol, 1992. S. 65.
8. Ibid.
9. Recorded from Feliks Nakov; Frolov, B. *Oruzhie kubanskikh kazakov* (The Kuban Cossack arms). Krasnodar, 2009. S. 96.
10. Suprunenko, V. *Zaporozhskaya volnitsa* (Zaporozhian Free Land). M., 2007. S. 209.
11. Potto, V. Op. cit. T. 1. S. 592.
12. Lermontov, M. Bela. Nalchik, 1983. S. 18.
13. Astvatsaturyan, E. Op. cit. Nalchik, 1995. S. 187.
14. Nakov F. *Sravnitelny analiz rubki cherkesskoy shashki i drugimi vidami dlinnoklinkovogo oruzhiya* (A comparative analysis of chopping with a Circassian sabre and other types of long-bladed weapons). Nalchik, 2004. S. 4–6.
15. Recorded from Feliks Nakov.
16. Lermontov, M. Izmail-bey // Lermontov, M. *Poemy. Sobr. soch. v 4 tomakh* (Poems. Collected works in 4 vol.). L., 1980. T. 2. S. 186.
17. Ibid. S. 187.
18. Lermontov, M. *Cherkesy* (The Circassians) // Lermontov, M. *Poemy. Sobr. soch. v 4 tomakh* (Poems. Collected works in 4 vol.). L., 1980. T. 2. S. 13.
19. Sinityn, A. *Samurai – rytsari Strany voskhodiashchego solntsa. Istoriya, traditsii, oruzhie* (The Samurai – knights of the Land of the Rising Sun. History, traditions, weapons). SPb., 2001. C. 146–147.

20. Panchenko, G. *Luki i arbalety v boyu* (Bows and arbalests in battle). М., 2010. S. 35.
21. Potto, V. Op. cit. М., 2006. Т. 1. S. 118.
22. Astvatsaturyan E. Op. cit. S. 51; Marzey A. Op. cit. S. 184.
23. Lapiński, T. (Teffik-bey). *Gortsy Kavkaza i ikh osvoboditelnaya borba protiv russkikh* (The Caucasus Highlanders and their liberation struggle against the Russians). Nalchik, 1995. S. 139.
24. Recorded from Khasan Yakhtanigov.
25. Recorded from Feliks Nakov.
26. Engels, F. *Karabin* (Carbine) // K. Marx and F. Engels. *Sochineniya* (Works). М., 1959. Т. 14. S. 244.
27. Denison J. *Istoriya konnitsy* (The history of cavalry). М., 2001. S. 236–237, 270–271, 287–290.

III. А. Гапуров¹

ЧЕЧЕНСКИЕ МОТИВЫ В ТВОРЧЕСТВЕ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА

В статье рассмотрен вопрос о влиянии кавказских мотивов на творчество М. Ю. Лермонтова. Отмечается, что заметное место в этом творчестве заняла чеченская тематика («Мцъри», «Валерик», «Измаил-Бей»).

Ключевые слова: Лермонтов, Кавказ, Чечня, Валерик, взаимосвязь культур.

Кавказ сыграл огромную роль в развитии русской культуры XIX–XX веков, особенно в развитии литературы. В творчестве гениальных художников слова отразились не только картины природы, пейзажи гор и степей, удивительные по своей красоте, но и образы людей, живших на древней кавказской земле, их обычаи и традиции, а также яркие исторические события, происходившие здесь. В. Г. Белинский отмечал по этому поводу: «Странное дело! Кавказу как будто суждено быть колыбелью наших поэтических талантов, вдохновителем их музыки, поэтической их родиной! Пушкин посвятил Кавказу одну из первых своих поэм – «Кавказского пленника», и одна из последних его поэм «Галуб» тоже посвящена Кавказу. Гри-

¹ ГАПУРОВ Шахрудин Айдиевич – доктор исторических наук, профессор, Президент Академии наук Чеченской Республики, Заслуженный деятель наук Чеченской Республики, г. Грозный, Россия. Электронная почта: Gapurov2011@mail.ru.